

К 70-ЛЕТИЮ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ / САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМ. С.И. ВАВИЛОВА

АРТЕМ МИХАЙЛОВИЧ СКВОРЦОВ

кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала Института истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

Т.А. Лукина и становление историко-биологических исследований в Ленинградском отделении ИИЕТ АН СССР

УДК: 57(09):001.891

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-18-39

Татьяна Аркадьевна Лукина (1917–1999) — одна из первых сотрудниц Ленинградского отделения ИИЕТ — формировалась как исследователь на кафедре классической филологии Ленинградского университета. Под руководством профессора И.М. Тронского она защитила в 1947 г. диссертацию «Римские буколики». В ИИЕТ ее пригласили в 1953 г. как знатока древних и современных европейских языков: в 1950-х гг. под руководством Б.Е. Райкова, руководителя группы по истории биологии, начались исследования русских ученых-эволюционистов додарвиновского времени (XVIII — первой половины XIX в.). Квалификация и навыки, полученные на филологическом факультете, определили методику исследования Лукиной как историка науки. Излюбленным ее жанром была биография. Жизненный путь ученого она излагала в мельчайших подробностях, не упуская из виду ни один факт, отразившийся в историческом источнике, критически оценивая информацию своих предшественников, исправляя разного рода детали. Для ее исследований характерна строгая опора на документы, отсутствие схематизма и отвлеченных рассуждений о классовой сущности тех или иных

явлений. Популярность среди историков науки Лукиной принесли переводы эпистолярного наследия К. Бэра.

Ключевые слова: Т.А. Лукина, Б.Е. Райков, К. Бэр, теория эволюции, классическая филология, история науки, история Российской академии наук.

Благодарность

Выражаю особую благодарность Л.Я. Жмудю за советы, данные им в ходе обсуждения статьи, А.С. Смирновой за консультации по вопросам изучения римских буколик.

— Яков Михайлович, не могли бы мне рассказать о Т.А. Лукиной как о человеке и исследователе?

— Артем Михайлович, не могу помочь. Лукина в институте была очень замкнута¹.

Именно с таких безнадежных строк началось мое исследование о Татьяне Аркадьевне Лукиной (1917–1999), одной из первых сотрудниц Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники РАН, филолога-классика по образованию, ставшей историком науки. В ее послужном списке несколько монографий, посвященных первым ученым-натуралистам — А.П. Протасову (1962), И.И. Лепехину (1965), И.Ф. Эшшольцу (1975), М.С. Мериан (1980), множество переводов с латинского и немецкого языков, среди которых следует отметить прежде всего эпистолярное и научное наследие К. Бэра. Т.А. Лукину можно назвать нашим старшим современником, и, казалось бы, легко разыскать людей, лично знавших ее и желающих поделиться своими воспоминаниями, однако практически вся информация, которую удалось собрать для статьи, получена из архивных документов. Весьма примечательно, что по случаю ее смерти даже не был составлен некролог.

Поставив себе целью написать биографию и изложить исследовательский путь Т.А. Лукиной, я не подозревал, насколько трагической окажется эта история. Появившись на свет в революционный 1917-й, тот год, когда зарождалось Советское государство, она пережила его на восемь лет, испытав на себе все тяготы сталинского режима и трудности времен Великой Отечественной войны. Собранный материал позволяет выйти за рамки мемуарной статьи и обратить внимание на судьбу отдельного рядового человека, остающегося зачастую за кадром при исследовании социально-экономических и политических процессов бурного XX в.

«Я родилась в 1917 г. в Ленинграде. Родители занимались преподавательской деятельностью. В 1919 г. мать умерла. Отец в 1933 г. был подвергнут административной высылке из Ленинграда. С 15 лет я жила самостоятельно. Окончив школу в 1933 г., я работала машинисткой на заводе “Большевик” в Ленинграде, техником по сбору анализов почв в Ленинградском институте удобрений и агропочвоведения

¹ Из электронной переписки автора с Я.М. Галлом (письма от 7 и 8 января 2023 г.). Архив автора.

Т.А. Лукина. Фотография из зачетной книжки (1938)

T.A. Lukina. Photo from the student's record-book (1938)

(1933–1934), чертежницей на Станкостроительном з[аво]де им. Ильича в Ленинграде (1934–1938). С 1936 по 1938 г. училась на вечернем отд[елении] Ленинградского Электротехнического рабфака (III и IV курс). В 1938 г. поступила на I к[урс] филологического ф[акультета] Ленингр[адского] гос[ударственного] университета. Окончила Университет в 1942 г. Успеваемость за все время пребывания в Университете отличная»², — такие сухие сведения обнаруживаются в автобиографии Т.А. Лукиной, составленной ею в связи с поступлением в аспирантуру на кафедру классической филологии, находящуюся в эвакуации в Саратове, в 1942 г. За этими строчками невозможно увидеть тех потрясений, какими были наполнены первые 25 лет жизни человека, написавшего их. Конечно, жанровые особенности подобного рода документов подразумевают отсутствие эмоциональности и краткие формулировки, но для Т.А. Лукиной скрытность и замкнутость стали ее психологическими чертами характера, о чем сообщают практически все мои информаторы³. Эти черты не случайны и сформировались под воздействием сильных переживаний.

В автобиографии, как станет понятно из дальнейшего повествования, по вполне объяснимым причинам она не уделила внимания социальному происхождению отца — Аркадия Павловича Лукина, ограничившись указанием на его профессиональную деятельность. В действительности же он родился в семье сельского священника Тамбовской губернии, учился в Тамбовской семинарии и Петербургской духовной семинарии, после чего служил в церкви при Стеклянном заводе в Петрограде⁴. Раннее детство Т.А. Лукиной пало на тяжелые годы Гражданской войны. От

² Личное дело Лукиной Татьяны Аркадьевны // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1: Опись личных дел аспирантов 1930–1941 гг. Св. 16. Д. 380597. Л. 21.

³ В частности, об этом говорили коллеги Т.А. Лукиной: Н.Г. Сухова (со слов Л.Я. Жмудя), Ю.Х. Копелевич (со слов Г.И. Смагиной), Я.М. Галл.

⁴ Лукина Т.А. Воспоминания о моем отце // Райков Б.Е. На жизненном пути: автобиографические очерки / Отв. ред. Н.П. Копанева. СПб.: Коло, 2011. С. 532.

Т.А. Лукина

T.A. Lukina

плохого питания и последовавшей кишечной болезни и холеры у нее умерла рано мать. Сначала маленькая Таня воспитывалась в большой семье бабушки, которая «любила играть в карты и лото, а днем спала до часу дня»⁵. Но по достижении пятилетнего возраста отец забрал дочь себе на квартиру, стремясь оградить ее от тлетворного влияния родственницы. Несмотря на начавшиеся в 1920-е гг. гонения на церковь, Аркадий Павлович не оставил службу, а, наоборот, всячески осуждал измену православию и тех священников, кто, поддаваясь нажиму властей, снимали рясы. Твердая убежденность в своих религиозных взглядах привела к лишению съемной квартиры в Ленинграде и переезду в область: сначала в деревню Глазово, затем в поселок Тярлево. Юной Тане, учившейся в школе на Греческом проспекте, приходилось ездить в школу на поезде. «Дети, узнав, кто я, смотрели на меня с насмешкой или с сожалением»⁶, — напишет она в своих воспоминаниях. Духовное звание отца стало препятствием и для попадания ее в пионерки. Она не была как все, но зато училась с большим усердием и интересом.

В 1933 г. отца арестовали. Сотрудники ГПУ, варварски уничтожив старинные иконы и перерыв все личные вещи и библиотеку священнослужителя, так и не обнаружили «спрятанное» золото⁷. Затем последовал приговор Особой тройки ОГПУ: 10 лет концлагеря по статье 58, п. 10–11 УК РСФСР якобы за участие в контрреволюционной организации Филоненко и Логинова. Кажется, не стоит специально оговаривать, что обвинение было выдуманно и не имело ни малейшего основания (как и многие другие) и что после заключения в тюрьму родителей дети зачастую становились изгоями в обществе. Уже в 15 лет Лукина впервые подверглась до-

⁵ Там же. С. 533.

⁶ Там же. С. 533.

⁷ Там же. С. 534.

просу, где ей посоветовали «не знаться со священниками <...>, поступить на работу и изучать политграмоту»⁸. Она хотела продолжать обучение в старших классах и окончить полный курс школы, но, несмотря на хорошие оценки, ее не взяли в 8-й класс. Все попытки стать студенткой техникума оказались тщетными: ее не брали по формальным основаниям, но в действительности — из-за ареста отца. С большим трудом Лукина поступила на платные курсы машинисток во Дворце культуры им. М. Горького, благодаря чему удалось получить паспорт. А далее в течение трех лет (1933—1936) жизнь впроголодь, скитания по родственникам. В 1934 г. ее наконец оформляют в Институт удобрений и агропочвоведения, где она с увлечением изучила способы химического и механического анализа почв и стала работать в этой сфере, в свободное время занимаясь языками. Но в декабре 1934 г. после убийства С.М. Кирова начались чистки, и ее отчислили. Через несколько месяцев Лукиной удается найти новую работу на Станкостроительном заводе им. Ильича, где она в течение трех лет служила копировщицей⁹.

1936 год многое изменил в судьбе Т.А. Лукиной. Брошенная И.В. Сталиным на съезде колхозников-ударников в 1935 г. фраза: «Сын за отца не отвечает» привела к послаблению режима в отношении детей заключенных. Желая и дальше продолжать учебу, она поступает на рабфак Электротехнического техникума. «Как же были счастливы, что получили возможность учиться»¹⁰, — напишет она много позже. Даже по прошествии почти 30 лет¹¹ она с радостью вспоминала открывшуюся возможность получения полноценного профессионального образования, что свидетельствует о ее жизненных приоритетах. Письма Лукиной к отцу 1930-х гг. полны сообщений об изучаемых предметах, заданных работах, экзаменах.

В воспоминаниях об отце, единственном источнике личного происхождения, которым есть возможность располагать в данной работе, Т.А. Лукина мало говорит о себе, о формировании собственных интересов и взглядов. Однако мимоходом брошенные фразы позволяют пролить свет на эти вопросы. Ее отец получил гуманитарное образование. Окончив Петербургскую духовную академию с отличием, он достаточно хорошо знал древнегреческий и латинский языки; любил читать книги философского содержания — ему удалось собрать богатую библиотеку, которую чекисты в надежде найти доказательства виновности по политической статье перебирали всю ночь, когда пришли его арестовывать. Аркадий Павлович понимал ценность и значимость образования, прививая своей дочери любовь к чтению книг. После его ареста она осталась в семье однокурсника отца по академии — К.И. Верзина¹². Не имея друзей, она свободное время проводила с книгами художественного и философского содержания, занималась иностранными языками. На рабфаке ей, вероятно, в одинаковой степени были интересны дисциплины как гуманитарного, так и естественно-научного цикла. Отметку «отлично» она имела в аттестате по русскому языку, литературе, немецкому языку, естествознанию, географии, химии. Чуть хуже ей давались точные науки: по алгебре, геометрии, тригонометрии, физи-

⁸ Там же. С. 536.

⁹ Там же. С. 538—539.

¹⁰ Там же. С. 540.

¹¹ Используемые в статье мемуары Т.А. Лукиной относятся к 1962 г.

¹² Лукина Т.А. Воспоминания о моем отце. С. 533.

ке она получила «хорошо»¹³. Пролетарский стаж и хорошо сданные вступительные испытания на филологический факультет (заметим, что в те годы абитуриенты сдавали на гуманитарные факультеты и естественно-научные дисциплины¹⁴) позволили ей в 1938 г. поступить в Ленинградский университет; ее специальностью стала классическая филология.

О кафедре конца 1930 — начала 1940-х гг. автору этих строк приходилось писать в статье: [Скворцов, 2022, 159–172]. Здесь лишь замечу, что учителями Т.А. Лукиной стали талантливые ученые и педагоги. Фамилия И.М. Тронского (в аспирантуре — научного руководителя Лукиной) в ее зачетке встречается чуть ли не каждый семестр: он вел курсы элементарной грамматики латинского языка, истории римской литературы, истории латинского языка, латинских авторов. В отношении древнегреческого языка (элементарной грамматики и авторов) постоянно фигурирует А.В. Болдырев. У С.Я. Лурье она слушала курс по истории Древней Греции; у И.И. Толстого — историю греческой литературы. О.М. Фрейденберг, в довоенный период — руководитель кафедры классической филологии, — проводила курс по введению в античную филологию и семинары по научной работе¹⁵. Курсы по чтению греческих и римских авторов вели у нее И.И. Толстой и Я.М. Боровский. Т.А. Лукина училась у выдающихся филологов-классиков своего времени, получивших образование до революции или в первые послереволюционные годы и умевших не только научить, но и заинтересовать своим предметом молодое поколение. Не была им чужда и история науки: А.В. Болдырев, С.Я. Лурье, И.И. Толстой участвовали в проектах Института истории науки и техники, разрабатывая темы по античному периоду [Жмудь, 2022, с. 29–30]. Практика перевода с древнегреческого и латинского языков на занятиях в университете традиционно, согласно еще дореволюционной методике преподавания, сочеталась с обстоятельным комментарием к древним авторам, включавшим объяснение реалий, наблюдения лингвистического и филологического характера. Довоенные учебные планы кафедры классической филологии подразумевали и значительный компонент исторических дисциплин. Курс всеобщей истории и русской истории по аудиторным часам практически был равен курсам по древним языкам и авторам [Скворцов, 2022, с. 162]. Таким образом, студенты филологического факультета получали основательные знания по различным периодам мировой истории. У Т.А. Лукиной по соответствующим дисциплинам были отличные оценки.

По окончании Лукиной 3-го курса началась война... Она не пошла медсестрой на фронт, в отличие от многих своих сверстниц, а осталась доучиваться. Ее описание блокадной зимы 1941–1942 гг. не может оставить равнодушным читателя: «Я жила в общежитии на проспекте Добролюбова. Студенты умирали от голода, в одной из комнат высилась гора трупов чуть не до потолка. Некоторые уже не в силах были

¹³ Личное дело Лукиной Татьяны Аркадьевны // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1: Опись личных дел аспирантов 1930–1941 гг. Св. 16. Д. 380597. Л. 2.

¹⁴ Перечень вступительных экзаменов в 1938 г. был следующий: русский язык (письменное сочинение, грамматика и литература), политграмота, математика, физика, химия, иностранный язык (Ленинградский государственный университет им. А.С. Бубнова. Справочник для поступающих. Л., 1937. С. 54).

¹⁵ Личное дело Лукиной Татьяны Аркадьевны // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1: Опись личных дел аспирантов 1930–1941 гг. Св. 16. Д. 380597. Л. 7–16.

вынести своих умерших товарищей и выбрасывали их по ночам из окон на улицу. Утром около общежития находили замерзшие раскоряченные трупы. Многие люди сходили с ума. Вечером опасно было ходить по лестнице Добролюбовского общежития — убивали, чтобы отнять хлебные карточки»¹⁶. В феврале 1942 г. она вместе с оставшимися в живых студентами и преподавателями университета была эвакуирована из Ленинграда по льду Ладожского озера на грузовиках: начался недолгий саратовский период ее жизни.

В самом начале войны Всесоюзный комитет по делам высшей школы сократил срок обучения в университетах с пяти до трех с половиной лет за счет увеличения учебной недельной нагрузки (с 36 до 42 часов), уменьшения времени на каникулы, практики и дипломное проектирование [*Высшая школа в годы Великой Отечественной войны*, 1995, с. 28]. Поэтому Т.А. Лукина училась четыре года, сдав в последний год курсы, рассчитанные на два года обучения. Отсутствием достаточного числа специалистов для полноценного преподавания дисциплин по классической филологии можно объяснить наличие у нее в зачетной книжке таких предметов, как «китайский язык» и «японский язык»¹⁷. После окончания в августе 1942 г. университета Т.А. Лукина поступила в аспирантуру к И.М. Тронскому. Судя по воспоминаниям, он не обладал внешней эффектностью и ораторскими способностями, но студентов восхищал своей высокой эрудированностью и фундаментальностью представляемых материалов, глубоким исчерпывающим анализом римских авторов¹⁸. Научный руководитель, он же и и. о. заведующего кафедрой в 1942–1945 гг., охарактеризовал единственную выпускницу кафедры 1942 г. так: «С первых дней обучения она обратила на себя внимание преподавателей отличными успехами в изучении древних языков и серьезным отношением к научным вопросам. Представленное дипломное сочинение о “Буколиках” Вергилия свидетельствует о полной методологической подготовленности к работе над проблемами античного литературоведения»¹⁹.

Такую высокую оценку получить от Тронского было лестно: он имел репутацию одного из самых строгих и требовательных профессоров на факультете. Это подтверждают те списки литературы, которые получила от него Т.А. Лукина для подготовки к экзамену по специальности в аспирантуре. Этот экзамен проходил в несколько этапов, каждый из которых распадался еще и на разделы. В конце первого семестра 1942–1943 учебного года аспирантка должна была сдать «Архаический период греческой литературы» и «Республиканский период римской литературы», прочитав предварительно соответствующие книги и статьи — всего 45 наименований, получив зачет на семинаре по метрике, а также по чтению с комментированием Горация, Аристофана и Проперция²⁰. Второй семестр посвящался «Аттическому периоду греческой литературы» и «Римской литературе “золотого века”» (44 наименования в списке литературы); предполагалось также участие аспирантки в семинаре по кри-

¹⁶ Лукина Т.А. Воспоминания о моем отце С. 542.

¹⁷ Личное дело Лукиной Татьяны Аркадьевны // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1: Опись личных дел аспирантов 1930–1941 гг. Св. 16. Д. 380597. Л. 15–15 об.

¹⁸ Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2009. Вып. 5. С. 381–382.

¹⁹ Личное дело Лукиной Татьяны Аркадьевны // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1: Опись личных дел аспирантов 1930–1941 гг. Св. 16. Д. 380597. Л. 24.

²⁰ Там же. Л. 12–12 об.

тике текста у И.М. Тронского и чтение с комментированием Цицерона и Аристофана²¹. План работы на 1943–1944 учебный год включал изучение «Эллинистического и римского периода греческой литературы», «Серебряного века римской литературы» (47 наименований в списке литературы), семинар по чтению с комментированием Вергилия и Плутарха²². Такие обширные списки литературы имели целью не только снабдить диссертанта багажом знаний, но и познакомить будущего научного работника с различными подходами в оценке древних греческих и римских авторов современными исследователями, как отечественными, так и зарубежными. Наряду с обобщающими и специальными трудами советских филологов — М.С. Альтмана, Б.Л. Богаевского, Н.Ф. Дератани, А.Н. Егунова, С.И. Радцига, И.И. Толстого, С.В. Меликовой-Толстой, И.М. Тронского, М.М. Покровского, О.М. Фрейденберг и др., предлагались к прочтению дореволюционные исследования — И.Ф. Анненского, Ф.Ф. Зелинского, В.И. Модестова, Ф.Ф. Соколова и др., и зарубежные — Г. Буасье, У. фон Виламовица-Мелендорфа, М. Круазе, Дж. Магаффи и др. Через изучение таких разноплановых авторов у Т.А. Лукиной должно было сформироваться представление о различных школах в литературоведении, способах и подходах к изучению творчества древних писателей. На основе этого опыта у молодого исследователя постепенно зарождались и собственные представления о науке. Причем вопросы для экзамена выдавались уже конкретные. Перечень вопросов на втором этапе экзамена по специальности был следующий: «1. Структура древнеаттической комедии; 2. Учение Аристотеля о катарсисе; 3. Римская элегия»²³. Вопросы первого семестра можно восстановить лишь примерно из-за некачественного материала для письма: первый — посвящен учению А.Н. Веселовского, второй — характеристике одной из книг немецкого автора, третий — Плавту²⁴. Судя по заключению комиссии, экзаменаторами обращалось внимание на умение разбираться в теориях современного литературоведения, грамотно их объяснять и давать собственные оценки. Наличие в списках для кандидатского минимума трудов по истории древней Греции и Рима побуждало помещать литературное творчество того или иного поэта или писателя в контекст эпохи. К последнему призывал И.М. Тронский, который, по воспоминаниям, в своих лекциях литературный процесс тесно связывал с идейными и общественными движениями античности, а также с социально-экономическими устоями общества²⁵.

Диссертация должна была быть подготовлена, по плану, в 1945 г., но в срок уложиться не удалось в связи с рождением ребенка, поэтому исследование оказалось завершено лишь к 1947 г., когда Т.А. Лукина уже работала младшим научным сотрудником в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра.

С нашей точки зрения, представленная на защиту квалификационная работа по своей структуре необычна. В ней отсутствуют формальные элементы: введение, заключение. Нет раздела, где бы была обозначена проблема, а тема сформулирована кратко и в самом общем смысле — «Римская буколика». Но приведенный на втором

²¹ Там же. Л. 13–13 об.

²² Там же. Л. 14–14 об.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 7.

²⁵ *Шофман А.С.* Не угаснет огонь Прометея // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2009. Вып. 5. С. 382.

листе тома план позволяет выявить задумку автора — исследовать историю буколического жанра, особого рода поэзии, посвященной пастушескому образу жизни, от момента его зарождения в рамках еще греческой культуры до позднего Рима. Заметим, что активно изучаться этот жанр начал только в 1960–1980-х гг.²⁶ Лукина подвергла анализу все дошедшие памятники римской буколической поэзии, причем пристальное внимание уделила малоисследованным представителям буколического жанра — Кальпурнию и Немесиану, в отношении которых она могла делать самостоятельные наблюдения. Диссертантка прекрасно знала основную литературу на современных европейских языках, что давало ей возможность принимать активное участие во всех основных дискуссиях по истории буколики. Уже с первых страниц Лукина демонстрирует профессиональные навыки филологической работы: она начинает с анализа трех античных свидетельств о происхождении буколической поэзии²⁷, а также ищет фольклорные параллели буколических состязаний. Все три разобранные ею легенды о происхождении жанра представляют собой культовые сказания о богине Артемиде, в которых диссертант пытается разобраться и найти возможные пути разрешения вопроса. Исходя из того, что легенды — поздние конструкции, обусловленные бытующими в античности представлениями об «изобретателях» отдельных предметов и явлений, соискатель характеризует эти сообщения как этиологические толкования. Однако в третьей легенде, связанной с праздником Артемиды в Сиракузах, Лукина видит ценные сообщения о древнем пастушеском обряде, имеющем параллели у других народов²⁸. Именно в этом обряде, по ее мнению, отразилось распространенное в древнейшем обществе представление о возможности магически воздействовать на окружающую действительность: обрядовое состязание пастухов должно было содействовать победе над злыми силами²⁹. Конечно, не все выдвинутые в диссертации гипотезы прошли проверку временем. Версию о том, что буколики восходили к обрядовым состязаниям пастухов, носившим очистительный характер и облекавшимся в форму, унаследованную от судебного поединка, современная наука оспаривает. По мнению А.С. Смирновой, античная судебная практика не пользовалась таким способом проведения спора, какой представлен в состязательных стихотворениях, а этнографические параллели, приведенные Лукиной, не убеждают [*Смирнова*, 2009, с. 34]. Но заметим, что с филологическими наблюдениями А.С. Смирнова не спорит, считая их достоинством работы.

Филологическая диссертация позволяет сделать несколько важных выводов о Т.А. Лукиной как исследователе и выявить те особенности, которые будут присущи ей и в дальнейшем творчестве. Стиль изложения диссертантки отличается четкостью и отточенностью: трудно отыскать в ее работе лишние пространственные рассуждения и сноски для проформы. В работе, как выше отмечалось, отсутствует даже вводная часть. Подчиняясь требованиям времени, она очень кратко, буквально в паре предложений вывела происхождение римских буколики и присущего им интереса к индивидуальной личности из «коренных сдвигов» в идеологии римского общества

²⁶ В этом вопросе мы можем сослаться на консультацию современного специалиста по римским буколикам А.С. Смирновой.

²⁷ Лукина Т.А. Римские буколики. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1947. С. 2–4.

²⁸ Там же. С. 5.

²⁹ Там же. С. 6.

и социальных конфликтов поздней республики³⁰. Но эти строчки настолько схематичны и наполнены лексикой, не сочетающейся с остальным текстом, что не могут не натолкнуть на мысль о вынужденной вставке. В другом, явно чуждом для нее сюжете она, сравнивая появление буколического жанра в Греции и Риме, подчеркивает «одностадиальные процессы», приведшие к изменениям в литературном творчестве³¹. Здесь прослеживается влияние ее научного руководителя — И.М. Тронского. Заметим, что в диссертации отсутствуют ссылки на классиков марксизма-ленинизма, а также рассуждения о классовой борьбе. Автор находится строго в рамках своей темы и анализируемых текстов. Зато она охотно и по делу ссылается на представителей петербургской/ленинградской школы (А.Н. Егунова, Ф.Ф. Зелинского, С.В. Меликову-Толстую, И.И. Толстого, И.М. Тронского, О.М. Фрейденберг и др.); прекрасно знает она и зарубежную науку: в списке литературы 292 наименования на современных европейских языках и 40 — на русском³².

Т.А. Лукина в диссертации анализирует поэтический стиль буколик на основе лингвистических наблюдений, но в центре ее внимания находится личность поэта с его внутренним миром — переживаниями и актуальными для него темами. Так, по мнению Лукиной, для стиля Вергилия характерны следующие черты: вкрапления рустицизмов (лексики, характерной для сельских жителей) и разговорных оборотов, употребление загадок и поговорок, параллелизм в строении стиха, симметричная конструкция полустуший, двустуший и групп стихов, эпитеты экспрессивного характера и др.³³ Такие выводы можно было сделать после детального лингвистического анализа и наблюдения «за почерком» поэтов. Приведем также выдержку из тезисов диссертации: «Римская буколика вносит новое. У Вергилия под пастушеской маской скрывается идеальный человек, искусственно изъятый из мира действительности; пастушеская жизнь в значительной степени утратила реальные черты, превратившись в иллюстрацию несколько трансформированного эпикурейского идеала жизни. У Вергилия подчеркнуто нереальный фон, на котором разворачивается анализ чувств. Принцип Вергилия — соединение принципов “простоты” и “сладостности” <...> Буколика времени Нерона воспроизводит основные направления риторически-декламационного стиля литературы Серебряного века³⁴, воспринятого автором Эйнзидельских буколик³⁵ в аспекте патетики, затрудненности, темноты и выпренности, а Кальпурнием — в аспекте простоты и грубости, выразившемся в “rusticitas” эклог Кальпурния»³⁶. Думается, не случайно именно биографический жанр исследования станет излюбленным для Лукиной как исследователя в ИИЕТ. За концепциями ученых-натуралистов XVIII–XIX вв. она будет видеть прежде всего человека.

³⁰ Там же. С. 51.

³¹ Там же. С. 52.

³² Там же. С. 248–265.

³³ Там же. С. 60.

³⁴ Серебряным веком в древнеримской литературе называют период 14–117 гг. н. э.

³⁵ Эйнзидельские буколики — два латинских буколических текста неизвестного автора, которые были изданы в 1869 г. Г. Хагеном по единственной рукописи. Традиционно их относят ко времени правления императора Нерона (54–68 гг.).

³⁶ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2188. Л. 22.

В Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра Т.А. Лукина проработала недолго — с 1946 по 1950 г., но была на хорошем счету: ее личное дело изобилует положительными характеристиками. Приведем одну из них, подписанную ученым секретарем О.П. Суником и зам. парторга А.В. Десницкой: «...проявила себя как вдумчивый и способный работник в области классической филологии, обнаружив способность к научно-исследовательской работе по своей специальности. Т.А. Красоткина³⁷ зарекомендовала себя в качестве дисциплинированного и аккуратного работника, хорошо выполняющего поручения администрации и общественных организаций института»³⁸. Она выполняла различные общественные обязанности: была членом месткома, профоргом института, при этом научную продукцию сдавала по плану в положенные сроки³⁹. На этом фоне парадоксально выглядит внезапное прекращение работы в институте в 1950 г. Об этих событиях она напишет так: «После выступления Сталина по вопросам языкознания была срочно произведена чистка Института языка и мышления АН СССР, где я работала, и Институт был реорганизован в Институт языкознания. При этом уволили 11 евреев <...> и меня»⁴⁰. Головное отделение института отныне находилось в Москве, туда же переехали некоторые секторы, в результате чего штатное расписание для Ленинградского отделения было значительно сокращено: из филологов-классиков остались только И.И. Толстой, возглавлявший группу классических языков (не сектора!) и И.М. Тронский⁴¹.

После увольнения некоторое время, в 1951 г., Т.А. Лукина преподавала латинский язык в Первом Ленинградском медицинском институте им. И.П. Павлова. Наконец, в 1953 г. ее взяли в ИИЕТ, возникший в этом же году в результате реорганизации Института истории естествознания — присоединения к нему Комиссии по истории техники ОТН АН СССР. На первый взгляд кажется необычным приглашение филолога-классика в академический институт, созданный для изучения истории естествознания и техники. Однако в таком специалисте нуждался Б.Е. Райков (1880—1966), возглавивший в 1953 г. в Ленинградском отделении ИИЕТ группу по истории биологии. Он уже несколько десятилетий к этому времени занимался русскими биологами-эволюционистами. Через его многочисленные исследования красной нитью проходит мысль о том, что эволюционное учение распространилось в России до появления теории Дарвина. Для подтверждения правоты своего взгляда Б.Е. Райков анализировал отечественных натуралистов XVIII — первой половины XIX в., стремясь найти в их пространных описаниях явлений природы мысли об изменчивости растений и животных — об историческом развитии живых организмов. Первые сотрудники Императорской Академии были немцами и писали свои тексты на родном для них языке, а кроме того, использовали и другие европейские языки

³⁷ Фамилия Лукиной по мужу, с которым она заключила брак в 1945 г.

³⁸ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 77. Оп. 5. Д. 515. Л. 11.

³⁹ Там же. Л. 17.

⁴⁰ Лукина Т.А. Воспоминания о моем отце. С. 544.

⁴¹ По словам Н.Н. Казанского, один из сотрудников Ленинградского отделения Института языкознания характеризовал первоначальный состав института как «генералы без армии»: штатное расписание смогло вместить только ученых первой величины.

(например, в переписке), а также латынь — язык науки того времени. Очевидно, без качественных переводов не состоялись бы полноценные исследования⁴².

Конечно, в отдельных наблюдениях первых в России натуралистов невозможно было обнаружить стройную концепцию и теоретически обоснованные положения, но, по убеждению Б.Е. Райкова, эти ученые-естественники подготовили образованную общественность к восприятию дарвиновской теории⁴³. Историк науки удалось реконструировать воззрения многих авторов — К.П. Палласа, К.Ф. Вольфа, К. Бэра, П.Ф. Горянинова, К.Ф. Рулье и др.⁴⁴, уделяя пристальное внимание конкретным трудам первых исследователей растительного и животного мира и отраженной в них эволюции взглядов. Кроме того, оказались раскрыты многие подробности личной жизни, детали быта, истории конфликтов, которые могли сказаться на судьбе концепции. С.Л. Соболев по случаю 70-летия Б.Е. Райкова в своей речи обратился к юбиляру со следующими словами: «Вы обладаете удивительной способностью сочетать научное творчество ученых прошлого с живым ощущением их как людей. Многие из нас — я и о себе могу это сказать — гораздо суше, мы не умеем чувствовать того живого человека, который жил и творил в прошлую эпоху, почувствовать его творчество»⁴⁵. Принципиальной позицией Б.Е. Райкова было рассмотрение взглядов своих героев не изолированно, а в тесной связи с общим течением общественной мысли, развитием других наук. Для этого следовало поднять довольно большой пласт литературы и источников, в том числе на латинском и современных иностранных языках. Полученное им еще до революции гимназическое образование стало хорошей основой для таких изысканий. А увлечение поэзией и художественной литературой сформировало умение доступно и интересно рассказывать о сложных научных категориях⁴⁶. К каждой биографии ученого он подходил весьма основательно: написанию предшествовала большая подготовительная работа — сбор данных: «Он заводил пухлые папки, вкладывал в них новые, порой совершенно случайные материалы, не упуская ни малейшей возможности узнать еще какую-нибудь подробность об интересующем его ученом»⁴⁷. Свои доклады на заседании Сектора он всегда сопровождал показом архивных материалов, книг, портретов, тем самым собравшиеся могли познакомиться с аутентичными текстами и прочувствовать эпоху⁴⁸. Некоторые особенности научного творчества Б.Е. Райкова встречаются и в исследовательской практике Т.А. Лукиной, книги которой он редактировал.

⁴² В 1955 г. сотрудницей института стала и другая выпускница кафедры классической филологии ЛГУ, Ю.Х. Копелевич [Жмудь, 2022, с. 34]. Переводами с древних и современных языков в институте занималась также Т.Н. Кладо, до революции окончившая Высшие женские курсы.

⁴³ Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 3.

⁴⁴ Лукина Т.А. Борис Евгеньевич Райков. Л.: Наука, 1970. С. 106–107.

⁴⁵ Группа товарищей. К восьмидесятилетию со дня рождения Бориса Евгеньевича Райкова // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. 1961. Т. 41. Вып. 10. С. 421.

⁴⁶ Лукина Т.А. Борис Евгеньевич Райков. Л.: Наука, 1970. С. 130–133.

⁴⁷ Там же. С. 129.

⁴⁸ Там же. С. 134.

Каждой из монографий сотрудников Сектора истории биологии предшествовала серьезная источниковая работа. Предполагалось изучение документов в архивах — как ленинградских, так и иногородних. В архиве Академии наук сохранился отчет Лукиной об одной из командировок, который много говорит о работоспособности сотрудника. С 17 по 29 октября 1955 г. она находилась в командировке в г. Тарту с целью собрания материалов для готовящихся институтом изданий переписки Л. Эйлера и А. фон Гумбольдта. Кроме того, ею обследовались рукописи К. Моргенштерна и Ф. Шардиуса, хранящиеся в библиотеке Тартуского университета. Она выявила там два собственноручных письма Л. Эйлера и одно письмо И. Бернулли к Л. Эйлеру. В рукописном собрании К. Моргенштерна удалось обнаружить 45 писем Л. Эйлера и к нему — всего 48 писем⁴⁹. Эти документы, составленные на латинском, французском, немецком языках, ценны тем, что содержат ряд сведений о Петербургской академии наук, об астрономических исследованиях, проводившихся в Европе в середине XVIII в.; письма Г.М. Боze и С. Клингштерна сообщают о фундаментальных исследованиях по электричеству середины XVIII в., рассуждения Л. Эйлера — об эллиптической форме Земли⁵⁰. В ряде случаев прочтение писем представляло большие трудности: не все из них удалось до конца расшифровать. Для многих писем Лукина установила датировку и авторство. В отведенное время ей удалось изучить фонд Дерптского (Юрьевского) университета: посмотреть личные дела профессоров, которые могли вести переписку с А. Гумбольдтом — всего более 5 700 листов⁵¹. Попутно она фиксировала данные, которые могут представлять интерес по истории науки: материалы о подготовке научных экспедиций преподавательского персонала, о связях Дерптского университета с другими российскими университетами и учеными⁵². Заметим, весь этот объем работ Лукина осуществила за неполные две недели. Причем она фиксировала источники не только для себя, но и для других сотрудников института. По воспоминаниям Ю.Х. Копелевич (со слов Г.И. Смагиной), Лукина щедро делилась своими переводами с коллегами и редко кому отказывала, если у кого-то из сотрудников имелась потребность прочитать текст на иностранном языке⁵³. Под редакцией Лукиной вышла переписка К. Линнея с деятелями Академии наук⁵⁴, диссертация В. Зуева «Теория превращения насекомых, примененная к другим животным»⁵⁵, письма Л. Эйлера (совместно с Т.Н. Кладом и Ю.Х. Копелевич)⁵⁶, сочинение Ф.К. Вольфа «Предметы размышлений

⁴⁹ Отчет Т.А. Красоткиной о научной командировке в г. Тарту // СПбФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

⁵⁰ Там же. Л. 5.

⁵¹ Там же. Л. 9.

⁵² Там же. Л. 11.

⁵³ Архив автора статьи.

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 893. Оп. 1. Д. 285.

⁵⁵ Диссертация В. Зуева «Теория превращения насекомых примененная к другим животным» / Пер. с лат. Т.А. Красоткиной, Ю.Х. Копелевич // Труды ИИЕТ АН СССР. Вып. 4. М., 1955. С. 281–289.

⁵⁶ Леонард Эйлер. Письма к ученым / Пер. Т.Н. Кладом, Ю.Х. Копелевич, Т.А. Лукиной. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

в связи с учением об уродах» (совместно с Ю.Х. Копелевич)⁵⁷, трактат Г.В. Стеллера о народной медицине⁵⁸ и др.

Однако известность и признание Т.А. Лукиной принес другой труд. В 1970-е и первую половину 1980-х гг. она много занималась публикацией наследия биолога, естествоиспытателя, критика дарвинизма, члена Петербургской академии наук К. Бэра (1792–1876). Под ее редакцией выходили: в 1970 г. — «Переписка К. Бэра по проблемам географии», в 1975 г. — «Карл Бэр и Петербургская Академия наук», в 1976 г. — «Письма Карла Бэра ученым Петербурга», в 1978 г. — «Из эпистолярного наследия К.М. Бэра в архивах Европы». Разработка наследия академика возобновилась в ЛО ИИЕТ еще в 1950-е гг., но в основном по опубликованным данным. Постепенно стали обнаруживаться все новые документы в архиве Академии наук, эстонских архивах, зарубежных собраниях, проливающие свет на многогранную и неутомимую деятельность К. Бэра. Рукописи решено было издать в связи с их значимостью для исследования истории науки XIX в. Если первоначально внимание Т.А. Лукиной было сосредоточено на архивах Советского Союза, то уже к середине 1970-х гг. издательское предприятие приобрело международный характер. Стимулом для работы стала памятная дата: 100-летие со дня смерти Бэра, приходившееся на 1976 г. В Эстонской ССР в связи с этим был открыт Мемориальный музей в доме ученого, где были размещены его мебель и книги. Эстонские историки готовили к публикации неизданные рукописи своего земляка (К. Бэр принадлежал к эстляндскому дворянству), плодом чего стали сборники «Folia Vaeriana». Профессор Гиссенского университета Э. Амбургер, обнаружив в рукописном отделе библиотеки 2 000 писем, адресованных Бэру, оттиски его работ, издал их частично в 1975–1976 гг.; Г. фон Кнорре опубликовал письма к Бэру Х. Пандера⁵⁹. Именно в 1970-е гг. установлены контакты с западными коллегами — историками науки. В предисловии к третьему тому документов К. Бэра Т.А. Лукина благодарит за помощь в подготовке издания профессора Э. Амбургера, доктора медицины и философии Г. фон Кнорре, доктора естествознания И. фон Кнорре⁶⁰, в четвертом издании наследия академика-биолога благодарности удостоились также директор и секретарь Британского королевского географического общества Дж. Хемминг, доктор Д. Уайлмэн, Т. Лакшевиц⁶¹. Предполагалось, что книги о Бэре, издаваемые ИИЕТ, окажут пользу и удовлетворят запросам не только советских читателей, но и зарубежных: не случайно письма приведены как в переводе, так и на языке оригинала. Такой задумке предшествовала большая предварительная работа: немецкая графика и орфография первой половины XIX в. была адаптирована под современные стан-

⁵⁷ Предметы размышлений в связи с теорией уродов / Пер. с лат. яз. Ю.Х. Копелевич, Т.А. Лукиной; примеч. Т.А. Лукиной. Л.: Наука, 1973.

⁵⁸ Г.-В. Стеллер о народной медицине Сибири (Неопубликованный трактат 40-х годов XVIII в.) / Пер. и вступ. ст. Т.А. Лукиной // Страны и народы Востока. Вып. XXIV. Кн. 5. С. 127–148.

⁵⁹ Из эпистолярного наследия К.М. Бэра в архивах Европы. / Сост., авт. вступ. ст., комм. и пер. Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1978. С. 6.

⁶⁰ Письма Карла Бэра ученым Петербурга / Сост., авт. вступ. ст., комм. и пер. Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1976. С. 5.

⁶¹ Из эпистолярного наследия К.М. Бэра в архивах Европы / Сост., авт. вступ. ст., комм. и пер. Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1978. С. 11.

дарты языка, русские фамилии переданы в международной транскрипции, расставлены необходимые знаки препинания. В некоторых случаях проведена датировка рукописей. Для каждого из авторов писем дана библиографическая справка. Текст писем снабжен комментарием библиографического, исторического, естественно-научного характера. Т.А. Лукина, хорошо знавшая еще со времени работы над кандидатской диссертацией по классической филологии, насколько основательно немецкие ученые подходят к публикации рукописей, безусловно, стремилась соответствовать этим высоким стандартам. Это стремление было по достоинству вознаграждено: известные историки науки Д. Уайлмэн и Г. Мюллер-Дитц выступили с положительными рецензиями на изданные книги. Г. Мюллер-Дитц отметил внимательное отношение составителя сборника писем к аннотациям и именному указателю, а также редкое в русских изданиях наличие текстов на языке оригинала, что, по его мнению, повышает ценность книги и делает ее востребованной у немецкоязычных читателей⁶². Но не обошлось и без критики. Д. Уайлмэн посчитал, что комментарии Лукиной относительно К. Бэра носят восхваляющий характер, в отличие от биографии ученого, написанной Б.Е. Райковым, который не замалчивает недостатки и странности в поведении своего героя⁶³. Заметим, что сами по себе рецензии зарубежных ученых на русские книги в советское время являлись редкостью.

С той же тщательностью Лукиной была проведена работа по подготовке обширного путевого дневника Каспийской экспедиции К. Бэра (сам дневник насчитывает почти 300 страниц в современной печати), а кроме того, различных материалов, относящихся к этой экспедиции. Исследование обосновывалось практической ориентированностью. Еще в 1930-е гг. Каспий обмелел почти на 20% в результате деятельности человека. Вследствие этого значительно пострадали рыбное хозяйство и судоходство. С 1960-х гг. стали возникать проекты по решению этой проблемы, что подразумевало комплексное изучение региона⁶⁴. За 100 лет до этого К. Бэр вместе со своими помощниками провел широкое рыбохозяйственное исследование, на основании чего сформулировал рекомендации по ведению промысловой деятельности, исходившие из знания биологии рыб. Огромное наследие ученого — почти 8 000 листов рукописи различного содержания — могло стать хорошим подспорьем для исследовательских практик в XX в.

Т.А. Лукина снабдила перевод аннотированными и именными указателями (текст изобилует названиями растений и животных), картографическими и иллюстративными материалами, а также библиографическим списком работ К. Бэра. Предпринятая работа была, безусловно, трудоемкой: помимо обширности самого наследия, определенную сложность представляла расшифровка немецкой готики, местами очень неясной и выполненной на простой тетрадной бумаге. Лукина уточнила топонимы, этнонимы, реалии, научные термины. Э.И. Колчинский в своих мемуарах характеризует работу Лукиной как очень тщательную: она не раз проверяла и дополняла уже написанное [Колчинский, 2014, с. 215]. Доказательством этому

⁶² Müller-Dietz H. K.E. von Bauer und die Petersburger Akademie der Wissenschaften // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Wissenschaften. 1976. Bd. 60. H. 4. S. 406.

⁶³ Wileman D. Karl Baer and the Development of Russian Geography // Geographical Journal. 1973. Vol. 139. Pt. 1. P. 118.

⁶⁴ Каспийская экспедиция К.М. Бэра, 1853–1857 гг.: Дневники и материалы / Сост. Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1984. С. 33–34.

может служить следующий фрагмент. Наблюдая процесс жиротопления в одном из поселков, Княжьем, К. Бэр записал: «38 котлов, или 760 бочек, дают в день, если улов хороший, 760 пудов жира; $760 \times 15 = 10\,900$ пудов [жира] можно получить от 10.000.000 рыб»⁶⁵. Увидев ошибку в математических расчетах, Т.А. Лукина в сноске написала: «Бэр сделал при беглой записи ошибку в подсчете: $760 \times 15 = 11\,400$ пудов жира за сезон, что отвечает количеству $11\,400 \times 950 = 10\,830\,000$ шт. рыб»⁶⁶. Периодически она исправляет ошибочно указанную К. Бэром дату или топонимические наименования⁶⁷. При этом Т.А. Лукина опубликовала текст с указанием на полях нумерации листов архивного дела, не поставив тем самым точку в публикации дневника и облегчив работу будущим исследователям, которые захотят сличить перевод с оригиналом уже для своих изысканий. Несмотря на то что формально эта публикация обосновывалась необходимостью исследования Каспия с целью поднятия уровня воды в нем, дневник интересен, прежде всего, как источник по истории науки: академик подробно описывает маршрут движения, свои дорожные впечатления, встречи с людьми, трудности переезда из-за бездорожья и проч. Отдельные наблюдения, позже оформившиеся в концепцию, позволяют понять процесс зарождения научных идей.

Т.А. Лукина, как вспоминает Э.И. Колчинский, не любила публичных выступлений и докладов, на работе была молчалива и скромна⁶⁸. Плодом ее изысканий явился целый ряд монографий, представляющих собой биографические очерки, посвященные деятелям науки XVIII–XIX вв.: А.П. Протасову (1962), И.И. Лепехину (1965), И.Ф. Эшшольцу (1975). Объектом ее внимания стала и одна из первых женщин, посвятивших себя науке — исследованию насекомых, — Мария Сибилла Мериан (1980). Как уже отмечалось, книги об отечественных ученых и путешественниках стали продолжением того исследовательского направления, которое задал Б.Е. Райков, — выявления русских ученых-эволюционистов додарвиновского времени. Такое направление появилось вследствие идеологических кампаний конца 1940-х гг. — борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом, в ходе которых всячески подчеркивался приоритет русской науки в самых разных областях знания. Но Т.А. Лукину эти персоны интересовали сами по себе, по тексту не прослеживается желание показать их как первых «эволюционистов».

Избранный жанр подразумевал прежде всего детальное изучение жизненного пути определенной личности. Т.А. Лукиной были чужды в равной степени как схематическое изложение, так и отвлеченные рассуждения. Она, имея за плечами отличную научную подготовку, ставила источник во главу повествования. Читатель не найдет в ее книгах ссылок на классиков марксизма-ленинизма, упоминаний классовой борьбы или критики абсолютистского строя, но получит подробнейшие сведения о том, как, например, становились учеными в век дворцовых переворотов, с какими трудностями сталкивались ученые в своей деятельности, как происходило

⁶⁵ Там же. С. 128.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 83, 110, 200, 215 и т. д.

⁶⁸ Э.И. Колчинский вспоминает, что ему даже пришлось зачитывать вместо нее и при ней же доклад на вручении ей одной из первых медалей К. Бэра в Тарту в 1976 г. [Колчинский, 2014, с. 215].

исследование на этапе формирования самой науки и как воспринимались научным сообществом отдельные открытия. Такой подход подразумевал кропотливую работу в архивах. Обилие ссылок на архивные данные создает впечатление, что автор не упускает ни одного документа, где бы упоминался ее герой. Т.А. Лукина критически подходит и к современным исследованиям биографий своих героев, перепроверя данные через источники. Порой на страницах ее монографий в сносках можно встретить указания на ошибки, допущенные предшественниками: неправильно дана дата письма или дата защиты диссертации, неверно указан адресат или переведены те или иные предложения из научных работ⁶⁹.

Само изложение биографии Лукина делает очень насыщенным: постоянно мелькают даты, фамилии, названия тех или иных мест — каждая деталь оказывается вплетена в ткань повествования. Так, например, она описывает начало путешествия И.И. Лепехина в Страсбургский университет: «13 сентября 1762 г. Лепехин вместе с Поленовым и Протасовым выехали из Петербурга в Кронштадт; 20 сентября они сели на корабль “Дер ангеенде Якоб”, направлявшийся в Любек, несколько дней ждали попутного ветра и, наконец, 23 сентября покинули Кронштадт. До Любека путешественники добрались благополучно, но вскоре на Балтике начались осенние штормы, и переезд их из Гамбурга в Амстердам окончился катастрофой: вблизи местечка Ост-Моорен их корабль во время сильной бури пошел ко дну; с трудом добрались они до берега, потеряв часть багажа, и продолжили свой путь на лошадях. В Страсбург они прибыли только 19 ноября 1762 г. (ст. ст.)»⁷⁰. Такие захватывающие сюжеты, поданные с умением, не дают заскучать читателю, делая изложение более эмоциональным и интересным, заставляя сопереживать герою повествования.

Нужно понимать, что научное сообщество в Российской империи XVIII в. представляло собой ученых самого широкого профиля. Они интересовались растительным и животным миром, анатомией человека, проблемами сельского хозяйства и становящейся промышленностью, геологией и обычаями коренных народов, математикой и астрономией. Они были организаторами науки и строителями системы подготовки кадров, переводили труды зарубежных коллег и стремились популяризировать полученные знания. Собственными силами, осуществляя экспедиции в несколько лет, они добывали первичные знания. Российские ученые-путешественники многое видели из того, о чем не имели возможности прочитать, что их удивляло, забавляло и интересовало, а значит, не могло остаться без фиксации в дневнике. Они были убеждены, что тем самым могут принести России практическую пользу. В результате получалась целая россыпь сведений, которые трудно было систематизировать и концептуализировать. По этой причине изучение их научных взглядов представляется трудоемким процессом: от современного исследователя требуется скрупулезность и желание погружаться в детали. Следует также понимать, что становящаяся наука в России еще не институционализовала механизмы взаимодействия с властью по вопросам обучения молодых людей в зарубежных университетах, организации научных экспедиций, выпуска научных изданий, проведения опытов и т. д. Перечисленные мероприятия требовали серьезного денежного обеспечения,

⁶⁹ См., например: *Лукина Т.А.* Иван Иванович Лепехин. М.; Л.: Наука, 1965. С. 17, 23 и т. д.

⁷⁰ Там же. С. 12.

для чего необходимо было связываться с правительственными структурами и доказывать значимость затеянного. Отсюда и огромное количество документов: записок-обоснований, просьб, подробных отчетов, которые обеспечивали реализацию необходимых для движения науки мероприятий, а также множество «казусов», индивидуальных эпизодов и стратегий, восстановление которых требует методичности. И эти все детали не упускает Лукина, тем самым приоткрывая для нас повседневную жизнь человека науки XVIII в. Например, она приводит письмо А.П. Протасова, где молодой человек испрашивает дополнительное финансирование, сообщая в подробностях свой бюджет в Лейдене: квартира стоит 80 гульденов в год, прислуга — 3 гульдена, обед обходился в 12,5 штивера в день, печка для обогрева 5 гульденов; кроме того, приходилось самостоятельно оплачивать лекции профессоров, покупать «кадаверы» для практических занятий анатомией, книги, посуду, предметы быта⁷¹. Особенно удачно у автора подобраны цитаты из источников: язык эпохи как бы погружает читателя в прошлое.

Интересной с точки зрения характеристики подхода и заявленной проблематики является небольшая работа⁷² Лукиной «Отклики современников на смерть Рихмана», сохранившаяся в архиве (1954)⁷³. Исследование, вероятно, было подготовлено в связи с 200-летием трагической кончины известного физика, члена Петербургской академии наук. Георг Рихман погиб в ходе экспериментов над электричеством, что имело в русском и европейском обществах большой резонанс. Сначала в «Санкт-Петербургских ведомостях», затем в различных зарубежных изданиях стали появляться статьи с разъяснениями обстоятельств гибели ученого. Лукина сравнивает между собой эти сообщения, привлекает рапорт К. Кратценштейна, медика, обследовавшего тело погибшего, а также письма М.В. Ломоносова и И.Г. Чернышева к И.И. Шувалову, записки В.А. Нащокина. Сличение документов позволило историку установить общее информационное ядро, присущее всем текстам, а также содержащиеся в них авторские рассуждения и домыслы. Тем самым выявляется последовательность появления их: выстраивается своего рода «стемма», как при работе с рукописями. Но на филологических изысканиях Лукина не останавливается, а пытается выяснить целеполагание авторов. Дело в том, что в середине XVIII в. эксперименты с электричеством были очень популярны. Об этом постоянно писали газеты и журналы. Трагическая же смерть Г. Рихмана угрожала прекращением финансирования этой деятельности, ибо, как, например, писал В.А. Нащокин, «это наказание свыше за дерзновенную попытку смертного проникнуть в недоступную для человека область»⁷⁴. Ученые всего мира (в том числе и М.В. Ломоносов) пытались доказать, что электричество само по себе не смертельно и причина гибели Рихмана заключается в отсутствии заземления используемого им прибора, поэтому исследования нужно продолжать, но обратить внимание на технику безопасности. Лукина стремилась показать те трудности (невежество и скептицизм общества), которые наука преодолевала, добиваясь права на существование.

⁷¹ Лукина Т.А. А.П. Протасов — русский академик XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 34.

⁷² Из названия дела и содержания самого документа трудно установить, был ли это доклад, либо подготовленная к печати (но оставшаяся неопубликованной) статья.

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 22.

⁷⁴ Там же. Л. 26.

Т.А. Лукина прослужила в институте ровно 33 года, оставив заметный след в изучении истории науки XVIII–XIX вв. К сожалению, осталось непонятным, с какими обстоятельствами связан ее уход. Формально она была уволена в 1986 г. по сокращению штатов. Э.И. Колчинский пишет, что Лукина не желала уходить на пенсию, была полна замыслов и творческих сил. Посчитав увольнение несправедливым, она практически прервала отношения с коллегами [Колчинский, 2014, с. 215]. Вероятно, поэтому не был написан некролог на ее смерть: достойный и признанный историк науки Татьяна Аркадьевна Лукина оказалась незаслуженно забытой фигурой.

Источники

Вольф К.Ф. Предметы размышлений в связи с теорией уродов / Пер. с лат. яз. Ю.Х. Копелевич, Т.А. Лукиной; примеч. Т.А. Лукиной. Л.: Наука, 1973. 314 с.

Г.-В. Стеллер о народной медицине Сибири (Неопубликованный трактат 40-х годов XVIII в.) / Пер. и вступит. ст. Т.А. Лукиной // Страны и народы Востока. 1982. Вып. XXIV. Кн. 5. С. 127–148.

Группа товарищей. К восьмидесятилетию со дня рождения Бориса Евгеньевича Райкова // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 41. Вып. 10. С. 414–422.

Дело о защите диссертации Т.А. Красоткиной // Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 12. Д. 2188.

Диссертация В. Зуева «Теория превращения насекомых, примененная к другим животным» / Пер. с лат. Т.А. Красоткиной, Ю.Х. Копелевич // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. 1955. Вып. 4. С. 281–289.

Из эпистолярного наследия К.М. Бэра в архивах Европы / Сост., авт. вступит. ст., комм. и пер. Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1978. 319 с.

Каспийская экспедиция К.М. Бэра, 1853–1857 гг.: Дневники и материалы / Сост. Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1984. 557 с.

Колчинский Э.И. Так вспоминается... СПб.: Нестор-История, 2014. 572 с.

Красоткина Т.А. Отклики современников на смерть Рихмана // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 1043. Оп. 1. Д. 22.

Ленинградский государственный университет им. А.С. Бубнова. Справочник для поступающих. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Бубнова, 1937. 62 с.

Личное дело Лукиной Татьяны Аркадьевны // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Опись личных дел аспирантов 1930–1941 гг. Св. 16. Д. 380597.

Личное дело Т.А. Красоткиной // СПбФ АРАН. Ф. 77. Оп. 5. Д. 515.

Лукина Т.А. А.П. Протасов — русский академик XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 187 с.

Лукина Т.А. Борис Евгеньевич Райков. Л.: Наука, 1970. 208 с.

Лукина Т.А. Воспоминания о моем отце // Райков Б.Е. На жизненном пути: автобиографические очерки / Отв. ред. Н.П. Копанева. СПб.: Коло, 2011. С. 531–544.

Лукина Т.А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л.: Наука, 1965. 205 с.

Лукина Т.А. Римские буколки. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1947. 268 с.

Отчет Т.А. Красоткиной о научной командировке в г. Тарту // СПбФ АРАН. Ф. 1043. Оп. 1. Д. 48.

Письма Карла Бэра ученым Петербурга / Сост., авт. вступ. ст., комм. и пер. Т.А. Лукина. Л.: Наука, 1976. 247 с.

Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 472 с.

Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2009. Вып. 5. С. 370–410.

Эйлер Л. Письма к ученым / Пер. Т.Н. Кладо, Ю.Х. Копелевич, Т.А. Лукиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 397 с.

Müller-Dietz H. K.E. von Bauer und die Petersburger Akademie der Wissenschaften // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Wissenschaften. 1976. Bd. 60. H. 4. S. 406.

Wileman D. Karl Baer and the Development of Russian Geography // Geographical Journal. 1973. Vol. 139. Pt. 1. P. 116–119.

Литература

Высшая школа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): очерки истории / Ред. А.Я. Савельев. М.: НИИВО, 1995. 59 с.

Скворцов А.М. Кафедра классической филологии ЛГУ в довоенное и послевоенное время // Philologia Classica. 2022. Т. 17 (1). С. 159–172. DOI: 10.21638/spbu20.2022.113.

Жмудь Л.Я. Ю.Х. Копелевич: от филолога-классика к историку науки // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. № 3. С. 28–40. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-28-40.

Смирнова А.С. Амебейные состязания в античной поэзии. Дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2009. 180 с.

T.A. Lukina and the Formation of Historical-Biological Research in the Leningrad Branch of IHST AS USSR

АРТЮМ М. СКВОРЦОВ

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

Tatiana Arkadievna Lukina (1917–1999), one of the first staff members of the Leningrad branch of the IHST, was educated as a researcher at the Department of Classical Philology of the Leningrad University. She was invited to the IHST in 1953 as an expert on ancient and modern European languages: in the 1950s, under the supervision of B.E. Raikov, head of the Biology History Group, began studies on Russian evolutionary scientists of the pre-Darwin era (18th–first half of the 19th centuries), whose works were written in Latin and German. The qualifications and skills acquired at the Faculty of Philology have shaped Lukina's research methodology as a historian of science. Her favorite genre was biography. She described the scholar's life story in great detail, without omitting any facts from the historical source, critically assessing the information of her predecessors and correcting all kinds of details. Her research is characterised by a rigorous reliance on documents, the absence of schematism and abstract arguments about the class essence of certain phenomena. T.A. Lukina was popular among historians of science for her translations of K. Baer's epistolary legacy.

Keywords: T.A. Lukina, B.E. Raikov, K. Baer, theory of evolution, classical philology, history of science, history of the Russian Academy of Sciences.

Acknowledgments

My special thanks go to L.Ya. Zhmud for the advice he gave during the discussion of the article and to A.S. Smirnova for her advice on the study of Roman bucolics.

References

Delo o zashchite dissertatsii T.A. Krasotkinoy [The case of the defense of T.A. Krasotkina's dissertation], Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Sankt-Peterburga (TsGA SPb) [Central State Historical Archive of St. Petersburg], f. 7240, op. 12, d. 2188 (in Russian).

Dissertatsiya (1955) V. Zueva "Teoriya prevrashcheniya nasekomykh, primennaya k drugim zhitvotnym" [Dissertation of V. Zuev "Theory of transformation of insects applied to other animals"], T.A. Krasotkina, Yu.Kh. Kopelevich (Transl., Eds.), in *Trudy Instituta istorii yestestvoznaniya i tekhniki AN SSSR*, vol. 4 (pp. 281–289), Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Ejler, L. (1963). *Pis'ma k uchenym* [Letters to scientists], T.N. Klado, Yu.Kh. Kopelevich, T.A. Lukina (Transl., Eds.), Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Gruppa tovarishchey (1961). K vos'midesyatiletuyu so dnya rozhdeniya Borisa Evgen'yevicha Raykova [On the eightieth anniversary of the birth of Boris Evgenievich Raikov], in *Trudy Instituta istorii yestestvoznaniya i tekhniki AN SSSR*, vol. 41, iss. 10 (pp. 414–422), Moskva: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Kolchinskij, E.I. (2014) *Tak vspominaetsya...* [So I remember...], S.-Peterburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Krasotkina, T.A. *Otkliki sovremennikov na smert' Rikhmana* [Responses of contemporaries to the death of Richman], Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva Rossiyskoy Akademii nauk [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences] (SPbF ARAN), f. 1043, op. 1, d. 22 (in Russian).

Leningradskiy (1937) gosudarstvennyy universitet im. A.S. Bubnova. Spravochnik dlya postupayushchikh [Leningrad State University named after A.S. Bubnov. Directory for applicants], Leningrad: Izd-vo Len. gos. un-ta im. A.S. Bubnova (in Russian).

Lichnoe delo Lukinoy Tat'yany Arkad'yevny [Personal file of Lukina Tatyana Arkadyevna], Ob'yedinennyy arkhiv SPbGU, f. 1, Opis' lichnykh del aspirantov 1930–1941 gg., sv. 16, d. 380597 (in Russian).

Lichnoe delo T.A. Krasotkinoy [Personal file of T.A. Krasotkina], SPbF ARAN, f. 77, op. 5, d. 515 (in Russian).

Lukina, T.A. (1947). *Rimskie bukoliki. Dis. ... kand. filol. nauk* [Roman bucolics. Dissertation ... Candidate of philol. sciences.], Leningrad (in Russian).

Lukina, T.A. (1962). *A.P. Protasov — russkiy akademik XVIII veka* [A.P. Protasov — Russian academician of the XVIII century], Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Lukina, T.A. (1965). *Ivan Ivanovich Lepekhin* [Ivan Ivanovich Lepekhin], Moskva; Leningrad: Nauka (in Russian).

Lukina, T.A. (1970). *Boris Evgen'yevich Raykov* [Boris Evgenievich Raikov], Leningrad: Nauka (in Russian).

Lukina, T.A. (2011). *Vospominaniya o moyem ottse* [Memories of my father], in Raykov B.E., *Na zhiznennom puti: avtobiograficheskiye ocherki*, N.P. Kopaneva (Ed.) (pp 531–544), St. Petersburg: Kolo (in Russian).

Lukina, T.A. (Transl., Ed.) (1976). *Pis'ma Karla Bera uchenym Peterburga* [Karl Baer's letters to scientists of St. Petersburg], Leningrad: Nauka (in Russian).

Lukina, T.A. (Transl., Ed.) (1978). *Iz epistolyarnogo naslediya K.M. Bera v arkhivakh Evropy* [From K.M. Baer's epistolary legacy in the archives of Europe], Leningrad: Nauka (in Russian).

Lukina, T.A. (Transl.) (1982). G.-V. Steller o narodnoy meditsine Sibiri (Neopublikovannyi traktat 40-kh godov XVIII v.) [G.-V. Steller on folk medicine of Siberia (Unpublished treatise of the 40s of the XVIII century)], in *Strany i narody Vostoka*, vol. XXIV, book 5 (pp. 127–148) (in Russian).

Lukina, T.A. (Transl., Ed.) (1984). *Kaspiyskaya ekspeditsiya K.M. Bera 1853–1857* [K.M. Baer's Caspian Expedition 1853–1857], Leningrad: Nauka (in Russian).

Müller-Dietz, H. (1976). K.E. von Bauer und die Petersburger Akademie der Wissenschaften, *Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Wissenschaften*, Bd. 60, H. 4, S. 406 (in German).

Otchet T.A. Krasotkinoy o nauchnoy komandirovke v g. Tartu [T.A. Krasotkina's report on a scientific trip to Tartu], SPbF ARAN, f. 1043, op. 1, d. 48 (in Russian).

Rajkov, B.E. (1952). *Russkiye biologii-evolyutsionisty do Darvina. Materialy k istorii evolyutsionnoy idei v Rossii* [Russian evolutionary biologists before Darwin. Materials for the history of the evolutionary idea in Russia], Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, vol. 1 (in Russian).

Savel'ev, A.Ya. (Ed.) (1995). *Vysshaya shkola v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945): ocherki istorii* [High school during the Great Patriotic War (1941–1945): essays on history], Moskva: NIIVO (in Russian).

Shofman, A.S. (2009). Ne ugasnet ogon' Prometeya [The fire of Prometheus will not be extinguished], in V.P. Korzun (Ed.), *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [Historian's world: historiographical collection], vol. 5 (pp. 370–410), Omsk: Izd-vo Omskogo un-ta (in Russian).

Skvorcov, A.M. (2022). Kafedra klassicheskoy filologii LGU v dovoynennoye i poslevoynennoye vremya [The LSU Department of Classics in the pre-war and post-war period], *Philologia Classica*, 17 (1), 159–172 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2022-3-28-40.

Smirnova, A.S. (2009). *Amebeynyye sostyazaniya v antichnoy poezii. Diss. ... kand. filol. nauk* [Amoeban competitions in ancient poetry. Diss. ... candidate of phil. sciences], St. Petersburg (in Russian).

Vol'f, K.F. (1973). *Predmety razmyshleniy v svyazi s teoriey urodov* [Subjects of reflection in connection with the theory of freaks], Yu.Kh. Kopelevich, T.A. Lukina (Transl., Eds.), Leningrad: Nauka (in Russian).

Wileman, D. (1973). Karl Baer and the Development of Russian Geography, *Geographical Journal*, 139 (1), 116–119.

Zhmud', L.Ya. (2022). Yu.Kh. Kopelevich: ot filologa-klassika k istoriku nauki [Yu. Kh. Kopelevich: From Classical Philologist to Historian of Science], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 13 (3), 28–40 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu20.2022.113.